

На Утёсе погони за звёздами небо утратило последний отблеск заката, погрузившись в густую тьму.

Внезапно шестьдесят шесть Небесных фонариков взмыли вверх, устремляясь к небесам, и вспыхнули ярким светом в чернильной темноте ночи. Красные, оранжевые, жёлтые, синие, зелёные, розовые, фиолетовые — они выстроились в ряд, создавая разноцветное отражение.

Перекрывающиеся и хаотичные голоса одновременно донеслись с неба, оглашая горы и создавая диссонансное эхо среди высоких скал и бирюзовых источников:

— Хуа Фэйбай, Хуа Фэйбай, уродливый, уродливый, лицо как блин, брови как шелкопряды, никто не любит, никто не любит! Маленький Улэй, маленький Улэй, безнадежный, безнадежный, думаю о тебе, скучаю по тебе, люблю тебя, согласись, ах-ах-ах...

На скале, вздымающейся к облакам, низвергался водопад, создавая среди дымки завесу из брызг. Лианы обвивали лес, густая тень скрывала луну, а прохладный ветер с края утёса пробирался до костей, увлажняя одежду.

Юноша сделал жест пальцами, и золотое пламя в его ладони угасло, волосы растрепались на ветру. Его детское лицо покраснело от быстрого бега, слегка округлое, с обычными чертами, которые по отдельности казались приемлемыми, но вместе выглядели совершенно заурядно.

Однако его статная фигура, изящные брови и ясные глаза, грация в каждом движении придавали ему особую притягательность, делая его ярким и выдающимся. Смотря на шестьдесят шесть Небесных фонарей из яшмового стекла, переливающихся в ночном небе, он улыбнулся с игривым удовлетворением, его белые зубы сверкали. Затем он повернулся и спрыгнул с отвесной скалы, быстро скрывшись в тумане и ночи.

Семь влево, восемь вправо, три вперёд, пять назад, центр пуст...

Юноша мысленно считал ритм, двигаясь с изяществом лебедя, извиваясь между ущельями, то поднимаясь, то опускаясь.

Пять, шесть, семь, восемь, девять...

Когда он преодолел последнюю ловушку, скрытую в темноте, он не смог сдержать улыбки, расслабился и спрыгнул с ветки на землю.

Щёлк!

Не успев среагировать, он провалился в новую ловушку, упав на спину и облившись густой вонючей жидкостью!

Царство духов, Город упокоения феникса.

Город упокоения феникса был крупнейшим городом Царства духов, построенным из нефрита и бирюзы. Павильоны, беседки, резные балки и расписные стены — всё было изысканно и прекрасно, излучая духовный свет и жизненную энергию.

В переполненной таверне, в тихом углу у окна на втором этаже, сидел человек. Столики вокруг были заняты, что ещё больше подчёркивало уединённость его места.

Официант поставил кувшин с вином на стол, слегка стукнув краем по поверхности. Хотя гость не обратил на это внимания, официант почувствовал неловкость, ругая себя за неуклюжесть и нарушение покоя.

Мужчина с самого начала не смотрел ни на кого, раз за разом поднимая чашу и опустошая её.

Его красивые, спокойные глаза были наполнены тремя частями яркости, тремя частями печали, двумя частями холодности и одной частью одиночества. Под левым глазом у него была маленькая красная слезинка, добавляющая ноту очарования.

Занавеска слегка колыхнулась, мужчина слегка нахмурил брови, в его глазах читалась усталость, не сильная, но глубокая. Его взгляд, устремлённый вдаль, был спокоен и нежен, выражая чувство, которое было трудно уловить, словно бесконечная тоска.

Цзюнь Улэй вошёл в шумную таверну, свернул в сторону и поднялся на второй этаж. Пройдя через шумный, наполненный ароматом вина коридор, он сразу заметил фигуру в ярко-красном у окна, и радость быстро отразилась на его лице.

Он сделал два шага вперёд и с улыбкой сказал:

— Афэй, ты видел их сегодня вечером? Я сделал их своими руками, тебе понравилось?

Лунный свет падал на листья, создавая пятнистые тени, словно обрывки ткани, свисающие с веток.

Мужчина повернулся, его красивые глаза остановились на лице юноши.

Розовый халат, расшитый золотыми узорами, с нежным персиковым цветком на рукаве; серебристо-фиолетовые волосы, свободно собранные золотой лентой, с куском нефрита на поясе, прозрачного и молочно-белого цвета.

Хуа Фэйбай опустил глаза, возвращаясь к своей обычной элегантной и ленивой манере, прислонившись к подоконнику. Он слегка покачивал чашу в пальцах, его серебристо-

фиолетовые волосы слегка развевались, добавляя ему очарования в полумраке.

Он посмотрел на юношу с насмешкой, приподняв бровь:

— На гору поднялось слишком много людей, я не смог пробраться.

Цзюнь Улэй скривил губы, но всё же попытался улыбнуться:

— Э-э, ну, ничего страшного, я покажу тебе дома, у меня на кровати ещё один Небесный фонарик, он такой же красивый.

Хотя он так говорил, в душе он ругал всех зевак, которые, не обращая внимания на происходящее, забили тропу на гору, не давая ему возможности увидеть главное событие, что привело к его сто восемьдесят шестой неудачной попытке признания, и его усилия пропали даром, зато доставили удовольствие множеству тётушек из Царства духов, которые бесплатно насладились зрелищем.

— Почему ты так долго? Я уже устал.

В этот момент объект его признаний слегка постучал пальцами по столу, выражая недовольство.

— Не сердись, народу было много, тропа была забита, тётушки слишком активно спускались, пришлось потратить больше времени, хи-хи.

Цзюнь Улэй подошёл и взял его руку, спрятанную под широким рукавом, приняв себя, он не смог сдержать гримасы:

— Ты весь в запахе вина, вино из персиковых цветов хоть и сладкое, но крепкое, сколько ты сегодня выпил?

Хуа Фэйбай прищурил свои красивые глаза, уголки его глаз изогнулись, как полумесяц:

— Вино из персиковых цветов здесь слишком приторное. Ну, я заказал три кувшина, давай расплатимся и пойдём домой.

Сказав это, он зевнул и естественно прижался к Цзюнь Улэю, но, приблизившись к его плечу, внезапно сморщил нос и отшатнулся:

— Ты воняешь! Ты что, ставил фонарики и залез в отхожее место? Весь воняешь!

Цзюнь Улэй, видя его отвращение, с хитрым блеском в глазах стал прижиматься к нему ещё сильнее, желая передать как можно больше своей вонючести этому неземному красавцу.

Хуа Фэйбай не смог увернуться, и его одежда слегка коснулась юноши. Он хотел оттолкнуть его, но не нашёл подходящего места, высоко подняв брови.

Юноша хихикал, но вдруг его взгляд потемнел, он потянулся к голове и снял с себя расшитый золотом халат, услышав раздражённый голос Хуа Фэйбая:

— Быстро переоденься, иначе не подходи ко мне.

Цзюнь Улэй быстро снял вонючую одежду и, подняв голову, увидел, что Хуа Фэйбай уже ушёл. Он наспех надел его халат, ещё сохраняющий тепло, положил деньги за вино на стол и поспешил за ним.

Только что переступив порог таверны, он увидел Хуа Фэйбая, сидящего на ступеньках и дремлющего, прислонившись к колонне. Он не сдержал улыбки, присел и посадил его на спину, медленно спускаясь по длинной лестнице.

Тени зданий, лунный свет, светлячки, фонари.

Он нёс Хуа Фэйбая, шагая по тихой улице, лёгкий ветерок шелестел, словно шёпот в ушах.

— ...Сегодняшняя песня была ужасной, у меня голова болит.

В ушах Цзюнь Улэя раздался сонный голос Хуа Фэйбая. Он слегка удивился, поняв, что речь идёт о шестидесяти шести Небесных фонариках, которые он запустил на Утёсе погони за звёздами, используя иллюзорное искусство передачи звука. Оказывается, он всё же услышал.

Мягкий голос Хуа Фэйбая слегка задел его сердце:

— Ты каждый раз так стараешься, неужели не устаёшь?

— Не устаю, я счастлив. Афэй, тебе нравится вино из персиков? Оно очень сладкое, я скоро пойду в горы к старым обезьянам за фруктами, закопаю несколько кувшинов и приготовлю тебе на следующий год.

Цзюнь Улэй улыбнулся, напевая нестройную мелодию, его юное лицо светилось непонятным блеском.

— Дин-дин-дин... Ты спрашиваешь, как сильно я тебя люблю? Моя любовь искренняя, моя

любовь настоящая, луна отражает моё сердце...

Лёгкий ветерок, луна хитрила.

<http://bllate.org/book/15278/1348679>